

Горные велосипеды замерли у груды тёмно-серых камней. Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе, свернув на тропинку, поднялись на высокую вершину холма. Они уселись посреди бескрайнего луга, даже ветер здесь казался безмятежным. Перед ними расстилался Атлантический океан, баюкающий в своих объятиях изменчивые облака. Чэн Цзайе всматривался в тёмно-синюю гладь, задевая коленом бедро Цзян Шоуяня.

— В это время года велик шанс увидеть дельфинов и китов. Может, выберем время и сплаваем вместе? Цзян Шоуянь, ты ведь умеешь плавать? Умеешь, да? Тогда как насчёт того, чтобы я научил тебя дайвингу? У меня есть сертификат инструктора по погружениям. Если повезёт, даже погоняемся за китами.

Цзян Шоуянь беззаботно откинулся назад, растянувшись на траве:

— Разве ты не задолжал мне рыбалку и сёрфинг? Откуда теперь взялись прогулка в море и дайвинг?

Чэн Цзайе улёгся рядом с ним, слегка щурясь на солнце.

— Есть столько всего, что я хочу сделать вместе с тобой, — Чэн Цзайе скрестил руки под затылком. Непонятно почему, хотя Цзян Шоуянь лежал прямо здесь, его не покидало чувство, будто времени у них катастрофически мало.

— А ещё я хочу покататься с тобой на лыжах и прыгнуть с парашютом, — Чэн Цзайе внезапно повернулся на бок, подперев голову ладонью, и сорвал колосок, чтобы пощекотать ухо Цзян Шоуяня. — По горным лыжам у меня тоже есть инструкторская лицензия, а вот с парашютом пока не дорос до того, чтобы брать пассажиров в тандем.

Цзян Шоуянь знал, что Чэн Цзайе любит активный отдых, но не ожидал, что настолько. Его навыки позволяли преподавать и, если бы он взялся за это, принесли бы немалый доход. Цзян Шоуянь перехватил его проказничающую руку и, покосившись на него, с некоторым удивлением спросил:

— Когда ты успел получить столько корочек?

— Просто нравилось, хотелось какого-то вызова, — ответил Чэн Цзайе. — На самом деле их легко получить. Дайвингу и сёрфингу здесь учатся с малых лет. До начальной школы я рос в Китае, а потом из-за работы отца мы переехали в Португалию. Здесь длинная береговая линия, лето жаркое, затяжное, так и тянет залезть в воду. Со временем наловчился. В университете была бешеная нагрузка, чтобы расслабиться, я занялся парашютным спортом и горными лыжами. — Чэн Цзайе на мгновение замолчал и с улыбкой добавил: — Одно время даже бредил вингсьютом, но мама очень строго это пресекла.

В отличие от китайских подростков, которые всё свободное время проводят на дополнительных занятиях, в секциях по интересам или уткнувшись в телефоны за играми и видео, Чэн Цзайе отдыхал на природе — эта любовь была впитана буквально с молоком матери.

Пушистый колосок, мягко щекоча, скользнул от уха к щеке. Возможно, дело было в ласковом солнце, но Цзян Шоуяню вдруг тоже захотелось немного открыться. Однако он подсознательно не желал рассказывать о пережитых невзгодах, поэтому, перебрав воспоминания, выудил из них фрагменты вполне тёплого детства.

— Я рос в старом доме. — Цзян Шоуянь повернулся к Чэн Цзайе. Тот невольно подался вперёд, заслоняя его от солнца, бывшего прямо в глаза. — За домом была бамбуковая роща. В дождливые дни она наполнялась чудесным шорохом, поэтому в дождь я любил делать уроки, сидя на маленькой табуретке под навесом, а наша рыжая собачка тихонько спала у моих ног.

Колосок в руке Чэн Цзайе коснулся кончика носа Цзян Шоуяня:

— Никогда не слушал дождь в бамбуковой роще. Цзян Шоуянь, возьми меня в Китай. Хочу сидеть с тобой под навесом и слушать дождь.

Цзян Шоуянь поднял руку и коснулся его высоких бровей, пошутив:

— С твоей внешностью на тебя слишком часто будут оборачиваться на улице.

Чэн Цзайе отбросил траву в сторону и погладил подушечкой пальца его чуть приподнятый уголок глаза:

— Ты такой же. Выглядишь как очень влюбчивый человек.

Цзян Шоуянь не знал, смеяться ему или плакать:

— С чего ты взял?

Чэн Цзайе промолчал и уткнулся в ложбинку его плеча. Сегодня он не брился, и короткая щетина покалывала шею Цзян Шоуяня. Но это ощущение не было неприятным, он лишь ритмично поглаживал Чэн Цзайе по волосам, словно умиряя капризного зверя.

Губы Чэн Цзайе коснулись чёрного шнура на шее Цзян Шоуяня. Кольцо на этом шнурке до сих пор не давало ему покоя. Хотя он понимал, что прошлое — всего лишь прошлое, что оно ничего не значит, и считал себя великодушным любовником, он не мог игнорировать этот предмет. Он хотел знать о прошлом Цзян Шоуяня всё. Он всегда верил, что глубокие чувства строятся на понимании и принятии. Всё остальное могло подождать, но каждый раз, когда его взгляд наткнулся на этот чёрный шнурок, сердце неприятно колело.

Чэн Цзайе глубоко вздохнул, поднял голову и после недолгого молчания осторожно подцепил кольцо указательным пальцем, вытянув его из-за воротника.

— Чьё оно? — спросил он.

Цзян Шоуянь опешил. Увидев серьёзное выражение лица Чэн Цзайе, он вдруг кое-что осознал.

— А ты как думаешь?

Губы Чэн Цзайе сжались в прямую линию, и он пробормотал:

— Откуда мне знать.

Цзян Шоуянь вспомнил ту ночь, когда они впервые играли в баре. Чэн Цзайе тогда задал похожий вопрос. В тот раз его голова была затуманена алкоголем и у него не было сил вдумываться. Сейчас же он вспомнил: в пёстром от огней и выпивки углу Чэн Цзайе задал вопрос с таким же серьёзным лицом, и даже слегка облегчённо выдохнул, когда услышал ответ о прошлом.

Цзян Шоуянь почувствовал странную смесь чувств: немного горечи и в то же время желание улыбнуться. Он прикоснулся к пальцам Чэн Цзайе, уже предугадывая, как изменится его лицо, когда он узнает правду.

— Это вещь моей матери, — тихо произнёс он. Цзян Шоуянь не стал говорить «это память о покойной матери». Упоминание посмертной вещи было слишком тяжёлым, он не хотел разрушать редкое мгновение уюта и красоты.

Чэн Цзайе, как и ожидалось, замер. Его уши начали медленно краснеть. В глазах Цзян Шоуяня заискрилась улыбка, а в следующую секунду его укусили в шею, тут же принявшись нежно зализовать место укуса. Цзян Шоуянь попытался уклониться от щекотки:

— Кто станет носить на шее кольцо бывшей девушки после расставания? Мужчины не бывают настолько преданными.

Чэн Цзайе замялся и ответил:

— У меня не было девушек, я не знаю.

Цзян Шоуянь вскинул бровь:

— А парней?

Чэн Цзайе снова покачал игловой. Цзян Шоуянь замолчал. Чэн Цзайе поднял лицо и очень серьёзно уставился на него:

— Сколько я себя помню, чаще всего от посторонних в адрес моих родителей я слышал одну фразу: «Как же вы любите друг друга!». Со временем мне стало любопытно, что же это такое — любовь. Мама сказала мне, что любовь — принятие и поддержка, которые остаются после того, как чувства прошли через сито времени. Тогда я не понял, и она, погладив меня по голове, объяснила: ценность любви — в судьбоносности встречи и в том одиноком ожидании, которое этой встрече предшествовало. Она сказала, что однажды я встречу того самого человека — на которого стоит лишь взглянуть, и сразу захочется любить его всю жизнь.

От этих простых фраз сердце Цзян Шоуяня сбилось с ритма, улетело с ветром, гуляющим по бескрайним полям. Чэн Цзайе протянул руку, убрал волосы с его глаз и снова откинулся на спину рядом с ним. Его пальцы скользнули в ладонь Цзян Шоуяня, крепко сплетаясь в замок. Вместе они смотрели на высокое, просторное небо над головой и слушали звон колокольчиков, доносившийся с дальнего пастбища. Этот звук был таким размеренным и умиротворяющим, что Цзян Шоуяня потянуло в сон.

За секунду до того, как сознание окончательно померкло, он вспомнил день их первой встречи с Чэн Цзайе: ясная погода, лазурное море — а вот его собственное состояние было, мягко говоря, неважным. Так почему?.. Цзян Шоуянь так и не нашёл ответа, погружаясь в глубокий сон посреди бескрайней равнины.

Когда он проснулся, солнце стояло в зените. Щёку щекотало что-то мягкое, словно по ней водили пёрышком. Цзян Шоуянь повернул голову и встретился взглядом с маленьким ягнёнком, а затем — с золотисто-карими глазами Чэн Цзайе. Чэн Цзайе держал ягнёнка на руках и с улыбкой спросил:

— Проснулся?

Цзян Шоуянь ещё не до конца пришёл в себя, приподнялся, опираясь на руки, и спросил:

— Откуда взялась овца?

Чэн Цзайе кивнул подбородком ему за спину. Цзян Шоуянь обернулся и увидел, что на лужайке неподалёку пасётся множество коров и овец, а рядом с камнем, где они припарковали свои горные велосипеды, лениво лежит серебристо-серая бордер-колли.

— Собака пригнала? — удивился Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе наконец отпустил ягнёнка, шерстка на голове малыша была взлохмачена, он стоял, блея и трясая головой.

— Хозяин тоже здесь.

Едва он договорил, как Цзян Шоуянь увидел смуглого мужчину, который подъехал к ним верхом на лошади и громко окликнул их.

— Он живёт на соседнем холме, — пояснил Чэн Цзайе. — Я как-то гулял здесь и добрёл до его дома, так слово за слово и познакомились. Сейчас он перегоняет стадо, пригласил нас пообедать. Я сказал, что спрошу у тебя, когда ты проснёшься.

Чэн Цзайе сжал пальцы Цзян Шоуяня:

— Пойдём?

Цзян Шоуянь не стал отказываться от приглашения. Когда они забирали велосипеды, бордер-колли взглянула на них и вильнула хвостом — это было её приветствием.

Сев в седло, Цзян Шоуянь покосился на пастбище и спросил:

— Хозяин уехал, а как же овцы?

Чэн Цзайе указал на собаку, лежащую у камня:

— Так вот же маленькая хозяйка присматривает.

Бордер-колли вильнула хвостом, словно подтверждая его слова. Цзян Шоуянь нашёл это милым и протянул руку, чтобы погладить её ухо.

***

Дом хозяина пастбища находился недалеко, но горные велосипеды всё же не могли угнаться за галопом лошади. Когда они прибыли, хозяйка уже получила весть и успела приготовить добавку к обеду. Хозяин оказался очень простым и дружелюбным, попросил называть его просто Жуан и спросил имя Цзян Шоуяня.

Восточный человек, говорящий на португальском, был для Жуана в диковинку, и он втянул Цзян Шоуяня в долгий разговор. Рассказал, что у него двое сыновей, которых отправили учиться к дяде в Лиссабон, и возвращаются они только на каникулы, а затем спросил, почему Цзян Шоуянь решил выучить португальский.

— (В старшей школе у меня был хороший английский, — ответил Цзян Шоуянь. — Позже, поступив в университет и выбирая специальность, я подумал: почему бы не выбрать более

редкий язык? Сфера довольно узкая, но если выучить язык в совершенстве, легче достичь вершин в профессии.)

Вот только в итоге он отказался от высокой зарплаты и решил вернуться домой. Пожилые стареют слишком быстро, а у Цзян Шоуяня оставался только один родной человек — каждый день, проведённый рядом, был на вес золота. Подумав об этом, он опустил глаза. Чэн Цзайе чутко уловил, что тот не хочет продолжать эту тему, и прервал увлечённого Жуана:

— (Времени ещё вагон, может, мы сходим наловим тебе рыбы?)

Жуан обожал рыбалку и при упоминании о ней тут же оживился. Достал из кладовой две удочки и передал их Чэн Цзайе. Подавая ведро, стоявшее в углу, он вдруг что-то вспомнил и добавил:

— (Надеюсь, сегодня у тебя будет хоть какой-то улов.)

Цзян Шоуянь не понял намёка. Чэн Цзайе лишь отшутился и замял тему. Вскоре Цзян Шоуянь понял, что значило это «надеюсь, будет улов». Хотя Чэн Цзайе и умел рыбачить, усидеть на месте не мог. Раньше, когда они с Жуаном ловили рыбу на озере в свободное время, он всегда был немного рассеянным. Рыбалка требует сосредоточенности и терпения, которых Чэн Цзайе недоставало и с Жуаном, а уж тем более теперь, когда рядом сидел Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе вертелся, словно у него шило в одном месте: то и дело посматривал на Цзян Шоуяня или опускал взгляд в коробочку с наживкой. Цзян Шоуянь вытащил три рыбины подряд, в ведре Чэн Цзайе было по-прежнему пусто. Кое-кто возмутился, сослался на плохой фэншуй и, схватив табуретку, потребовал поменяться местами, после чего в ведре Цзян Шоуяня прибавилось ещё две рыбы.

— Новичкам везёт, — буркнул Чэн Цзайе и потянулся, чтобы поцеловать его.

Цзян Шоуянь поднял руку, прижал ладонь к его губам и спокойно сказал:

— Отойди, рыбу распугаешь.

Чэн Цзайе поцеловал его ладонь и невнятно пробормотал:

— Кто важнее — рыба или я?

Цзян Шоуянь слегка прищурился, и в уголках его глаз заплясали смешинки.

— Конечно же...

Чэн Цзайе почувствовал дыхание Цзян Шоуяня на своих губах, и его сердце забилось быстрее. Как раз в тот момент, когда они почти соприкоснулись, удочка в руке Цзян Шоуяня едва заметно дёрнулась. Он резко повернул голову, его ухо скользнуло по губам Чэн Цзайе.

— ...рыба.

Чэн Цзайе поцеловал воздух.

Рыба больше не клевала, зато двое на лужайке изрядно вывалялись в сухой траве. Чэн Цзайе глянул в своё ведро — там была только вода, — затем на спокойную гладь озера и подумал, не поймать ли пару штук руками, чтобы Жуан снова не смеялся. Не успел он закатать рукава, как Цзян Шоуянь пододвинул к его руке своё ведро:

— Тяжеловато, понеси ты. А я возьму пустое.

Чэн Цзайе обернулся с улыбкой:

— Какой добрый. Отдаёшь то, что с таким трудом наловил сам?

Цзян Шоуянь задумался и ответил:

— Да не особо и с трудом, всех дел на полчаса.

Из чистого упрямства Чэн Цзайе переложил в своё ведро только две рыбы.

Пейзаж вокруг был довольно однообразным: путь от озера к деревянному дому вела лесная тропинка. Густые ветви деревьев, закрывая небо и солнце, отбрасывали плотную тень. Солнечный свет падал сквозь листву золотистой вуалью. В этом мерцающем свете Цзян Шоуянь заметил отдыхающую на камне бабочку. Её крылья едва заметно трепетали, она переливалась, словно драгоценный камень, от розово-фиолетового к светло-зелёному.

— Что там? — Чэн Цзайе, уже прошедший несколько шагов вперёд, заметил, что сзади стихло, и вернулся.

Цзян Шоуянь указал на бабочку:

— Очень редкий цвет. Не знаю, что за вид.

Чэн Цзайе тоже никогда такой не видел. Он включил функцию распознавания на телефоне и сфотографировал её издалека.

— Зеленоспинная нимфалида, — Чэн Цзайе пробежался глазами по описанию. — Крылья приобретают такой цвет только в сезон дождей. Обитает в основном в Восточной Африке, вид очень редкий. Непонятно, как она здесь оказалась.

Чэн Цзайе выпрямился, повернулся к нему и спросил:

— Тебе нравятся бабочки?

— Не сказал бы, что они мне так уж сильно нравятся. Просто на потолке моей спальни в Лиссабоне были наклейки с бабочками, — сказал Цзян Шоюянь. — Наверное, я просто привык смотреть на них перед сном каждый день. Первые пару дней без них здесь я даже чувствовал себя немного не в своей тарелке. А теперь, увидев живую бабочку, почувствовал что-то родное.

Деревянный дом, в котором они жили сейчас, имел двускатную крышу, в мансарде, естественно, никаких украшений на потолке не было. Чэн Цзайе задумчиво кивнул.

Когда они вернулись, Жуан, как и ожидалось, первым делом заглянул в ведро Чэн Цзайе и изумлённо воскликнул:

— (Боже мой, ты сегодня действительно поймал двух рыбин!)

Чэн Цзайе, потирая кончик носа, повернул голову и посмотрел на Цзян Шоюяня. Тот отставил своё ведро в сторону и спросил вышедшую хозяйку:

— (Вам нужна помощь?)

Хозяйка, отказываясь, с улыбкой замахала руками. Вскоре Жуан достал из буфета бутылку вишнёвого ликёра и пригласил Чэн Цзайе и Цзян Шоюяня за круглый стол, который ломился от угощений, в основном из морепродуктов. Португальцы особенно любят готовить треску, хотя в самой Португалии она не водится.

Здесь, на уединённом склоне горы, гости были редкостью. Заполучив двух молодых слушателей, Жуан заметно оживился и налил Цзян Шоюяню и Чэн Цзайе по рюмочке.

— (Этот ликёр сделан в Алконгосте, вишнёвой столице Португалии. У меня там родственники держат огромный вишнёвый сад. Каждый сезон мои сыновья помогают им собирать урожай и делать вишнёвый ликёр и джем.)

Кажется, люди любой страны одинаковы: готовы бесконечно рассказывать иностранцам о замечательных особенностях родины с неиссякаемым красноречием. Жуан показал Цзян Шоуяню пробку, которой была заткнута бутылка:

— (Сделана из пробкового дуба. Португалия ежегодно экспортирует огромное количество таких пробок.)

Обед длился больше часа. Цзян Шоуянь уже потерял счёт рюмкам, выпитым под бесконечные рассказы Жуана. Чэн Цзайе несколько раз пытался перехватить инициативу и выпить за него, но Жуана было не остановить. Цзян Шоуянь наклонился к уху Чэн Цзайе и тихо прошептал:

— Ничего страшного.

Чэн Цзайе тоже понизил голос:

— Нам ещё ехать обратно на велосипедах.

Цзян Шоуянь подумал, нахмурился и сказал:

— Езда на велосипеде после выпивки ведь не считается вождением в нетрезвом виде?

Чэн Цзайе прыснул со смеху:

— Боюсь, ты не удержишь равновесие и, вихляя, улетишь в канаву.

У выпившего Цзян Шоуяня мысли в голове текли по прямой, и говорил он предельно прямо. Он посмотрел на Чэн Цзайе долгим взглядом и сказал:

— Ничего страшного. Ты же будешь ехать сзади и присматривать за мной.

Сердце Чэн Цзайе словно кто-то царапнул коготком — возникло щекочущее, приятное чувство.

— Мгм. Я буду рядом.

***

После обеда они ещё немного посидели, болтая с хозяевами, прежде чем Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе сказали, что им пора возвращаться. Перед уходом хозяйка вручила каждому стеклянную банку апельсинового сока, чтобы облегчить возможные последствия выпивки.

Цзян Шоуянь прислонился к деревянной двери, лениво потягивая сок через трубочку. Равнинный ветер обдувал его, разгоняя хмель и проясняя мысли. Он увидел, как Чэн Цзайе вышел из кладовой Жуана с каким-то пакетом. Когда тот подошёл ближе, Цзян Шоуянь спросил:

— Что это?

Чэн Цзайе убрал волосы, падавшие ему на глаза, и сказал:

— Вернёмся — узнаешь. — Цзян Шоуянь кивнул и протянул свой сок Чэн Цзайе, дав ему сделать глоток.

Теперь лесной туман полностью рассеялся и стало гораздо теплее, чем утром. На обратном пути они снова проезжали склон, где отдыхали. На этот раз бордер-колли не дремала, греясь на солнышке, а отгоняла овцу от края обрыва.

Вдали горы отражались в море, а море обнимало горы. Под плывущими облаками Цзян Шоуянь, разморённый алкоголем, чувствовал лёгкость. Но не ту пугающую невесомость, когда под ногами пустота, а свободу цветка, который, крепко держась корнями за землю, раскачивается на ветру.

Они без происшествий доехали до самого дома. Цзян Шоуянь упёрся одной ногой в землю, лениво положил подбородок на руль и, прищурившись, обернулся к Чэн Цзайе. Тот где-то сорвал маленькую маргаритку, заправил её за ухо Цзян Шоуяню и похвалил:

— Ты ехал очень ровно, не свалился в канаву.

Цзян Шоуянь поджал губы в едва заметной улыбке. После поездки на его коже выступил тонкий слой пота, поэтому первым делом, вернувшись в комнату, он решил принять душ и начал искать чистую одежду. В приоткрытую дверь постучал Чэн Цзайе. Цзян Шоуянь, выглянув, увидел, что в руке он держит тот самый пакет из дома Жуана.

— Можно я немного побуду у тебя?

Цзян Шоуянь кивнул:

— Можно.

Чэн Цзайе уселся на свободном месте в изножье кровати. Перед ним была пустая, ничем не украшенная стена. Цзян Шоуянь наблюдал, как он по очереди достаёт из пакета лампочки, чёрную верёвку, деревянную раму, гибкое зеркало... Цзян Шоуянь правда не понимал, что Чэн Цзайе собирается делать, поэтому присел рядом на корточки и спросил:

— Для чего это всё?

— Стена из света и бабочек, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь замер, вспомнив ту бабочку, которую они встретили в лесу, и свои случайно брошенные слова. Когда он вышел из душа, Чэн Цзайе уже установил каркас с лампой. Маленькая лампочка висела в воздухе — стоило потянуть, и она загоралась. Цзян Шоуянь сел рядом, наблюдая, как Чэн Цзайе обводит контуры бабочек-наклеек на листе гибкого зеркала. Цзян Шоуянь пододвинулся и тихо спросил:

— Почему ты решил это сделать?

Он только что принял душ, от него веяло влажным теплом, аромат геля для душа смешивался с лёгким, ещё не выветрившимся запахом алкоголя. Рука Чэн Цзайе на мгновение замерла, затем он ответил:

— Если тебе станет скучно, можно качнуть лампу и поиграть с тенями. Это куда интереснее, чем статичные наклейки на потолке. Вдохновился выставкой Kosei Komatsu. Днём, пока было время, я изучил вопрос и понял, что сделать это не так уж сложно.

Цзян Шоуянь помолчал немного, а затем тоже сел на ковёр, скрестив ноги:

— Тебе чем-нибудь помочь?

Чэн Цзайе протянул ему несколько кусков зеркального пластика с нанесёнными контурами:

— Вырезай по нарисованным линиям и не забудь разрезать посередине, чтобы получились половинки бабочек.

Когда они заполнили небольшую часть стены вертикально приклеенными на горячий клей бабочками, на лес уже опустились сумерки. Заходящее солнце коснулось деревянной веранды, но плотно закрытые окна не впустили его внутрь. В комнате царил полумрак. Чэн Цзайе потянул за висящую рядом кемпинговую лампу и слегка её качнул. На белую стену упали чёрные тени бабочек. Вслед за колебаниями лампочки они медленно зашевелили крыльями — чёрные тени и белые блики от зеркал переплетались, создавая живую картину.

— Повезло, получилось с первого раза, — Чэн Цзайе опустил глаза на сидящего на полу Цзян Шоуяня и с улыбкой спросил: — Нравится?

Цзян Шоуянь, прислонившись затылком к изножью кровати, ответил:

— Нравится.

Чэн Цзайе присел перед ним на корточки так, что их носы почти соприкоснулись, и тихо спросил:

— Тогда можно мне потребовать награду?

Цзян Шоуянь полуприкрыл веки, его голос звучал очень медленно:

— Какую награду ты хочешь?

Дыхание Чэн Цзайе уже почти касалось губ Цзян Шоуяня, но он всё не проявлял инициативу.

— Ты знаешь, Цзян Шоуянь. Ты знаешь.

Тогда Цзян Шоуянь подался вперёд и поцеловал его. Поначалу это был лишь лёгкий, поверхностный, очень нежный поцелуй. Но оба были немного навеселе, а от близкого дыхания их тела вспыхнули. Чэн Цзайе некстати вспомнил узкий диван в Лиссабоне, чёрные блестящие глаза Цзян Шоуяня в лунном свете. Следом накатил жар. Он плотно сжал губы, уткнулся в шею Цзян Шоуяня, вдыхая его запах, и обнаружил, что самообладание теряет не он один.

Чэн Цзайе немного отстранился и опустил взгляд, чтобы заглянуть в глаза Цзян Шоуяня. Небо за окном окончательно почернело. В синеватом сумраке комнаты словно вспыхнуло что-то ещё — слишком жаркое, заставляющее двоих беззвучно трепетать в этой тишине.

<http://bllate.org/book/14908/1576630>